БЕЗ КОМПРОМИССОВ

Продолжаем нашу дискуссию, начатую в первом номере этого года. Мы получаем десятки писем, авторы которых не просто поддерживают или осуждают взгляды двух молодых инженеров, но размышляют и о собственном нравственном выборе. Как справедливо заметил один из участников дискуссии, Александр Жиляев, статью которого мы опубликовали в 8-м номере, дискуссия — это своего рода «мозговая атака», призванная не разложить все по полочкам, а лишь найти в проблеме рациональную позицию, выработать общественную точку зрения на явление. Именно эту цель мы и преследуем, публикуя очерк и ваши письма, дорогие читатели.

Надежда **АЖГИХИНА**

ТАКОЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ...

Я обрадовалась, встретив Вадика. Не видела его лет пять, со школы. Мы никогда не дружили, вообще не помню, были ли у него близкие друзья. Но Вадика любили и тянулись к нему — никто не умел так представить в лицах, скажем, сценку из школьной жизни, и мы умирали от хохота, поражаясь его способностям импровизатора. Он придумывал себе невероятные занятия: в седьмом классе вступил в переписку с академиком-математиком, предлагал новые доказательства известных теорем, а в девятом прославил нашу школу, победив в телевикторине для старшеклассников. В общем, Вадик был самой популярной личностью в нашей московской школе. Даже учителя обращались к нему на «вы».

Не почитал его только наш историк, Юрий Иосифович Косачевский, маленький плотненький человечек, которого вся школа боялась за едкий ум и называла за глаза не иначе как Косачом. Косач имел обыкновение вызывать Вадика в самый разгар очередного увлечения и публично выявлять его невежество. Вадик отвечал что-нибудь с потолка. «Как же так? — удивленно поднимал брови хитрый педагог. — Ведь на прошлом уроке мы разобрались», — и задавал каверзный вопрос. Вадик на ходу начинал придумывать ответ, запутывался, злился, а Косач, оперевшись на длинную указку, слушал его внимательно, не перебивал. Наконец Вадик выдыхался окончательно и замолкал, и Косач говорил нараспев: «Ну, голубчик, вы арти-ист!» И ставил двойку. Он в Вадика не верил.

После десятого класса Вадик, как и хотел, поступил в энергетический, и некоторое время до нас доходили слухи о его необычайных успехах и славе — организовал студенческий театр, с которым занял третье место на московском фестивале, выступил в научном журнале с переводом немецкой статьи по парапсихологии, хотя в школе учил английский...

В нашей памяти Вадик оставался неутомимым оптимистом, вундеркиндом. Вадик — недосягаемый пример, Вадик — воплощение безграничных человеческих возможностей, наша гордость, его ждет удивительное будущее...

Вот почему я очень обрадовалась, встретив его на Калининском проспекте возле Дома книги.

— Вот, посмотри, — сказал он, будто мы виделись не пять лет назад, а вчера. — Уникальная вещь, самое полное собрание сочинений Хлебникова. Ты любишь Хлебникова?

— Не знаю, — честно ответила я. — Не читала.

— Ну, ничего, — снисходительно сказал он. — Прочтешь. Ты, я вижу, не изменилась, все такая же.

— Ты тоже, — ответила я, хотя видела, что это не так. Вадик был одет в дорогой импортный костюм, на руке — часы с браслетом, в глазах — ни тени прежнего оптимизма. Он был грустен, и я не знала, как спросить его о причине этой грусти.

— Ну, как ты? — спросила я.

— Нормально, — ответил он. — Работаю, пишу.

— Что пишешь?

— Стихи, — просто и значительно сказал он.

— И давно этим занимаешься?

— Только приступил. Для начала надо язык подучить. Понимаешь, поэт неизвестный, его еще никто не переводил.

«А ведь ты, помнится, никогда не писал стихов, вообще литературой не интересовался?» — хотела спросить я, но не спросила — в глазах Вадика была такая уверенность в успехе, будто блестящий перевод уже у него в руках, и он улыбнулся — точно так же, как шесть лет назад улыбался с экрана, получая приз. Это была улыбка человека, привыкшего быть первым.

Оказывается, из МЭИ он ушел. Теперь — на втором курсе философского факультета университета и, между прочим, подумывает уйти в ГИТИС на театроведение. Нет, самодеятельность бросил, нестоящее занятие, зато недавно собрал приставку к магнитофону, сам придумал сложнейшую схему, полгода возился, а теперь, со снисходительным смешком сказал он, вся группа не вылезает у него из дома, музыку слушают.

Вроде бы все в порядке, и настроение у Вадика хорошее и рассказывает он интересно, как обычно. Но мне кажется, что-то не так. Может быть, Вадик мне не все рассказал? Или мне самой хочется сказать ему что-то очень важное, необходимое?..

— Слушай, — говорю я, — что ты сегодня делаешь?

— Не знаю... А что?

— Пойдем в гости? К моей тетке. У нее как раз собирается старая университетская компания... Ну что, идем?

— Не знаю... — Взгляд его скользнул в окно троллейбуса. — Давай еще созвонимся...

Он, конечно, не позвонил. И в гости я отправилась одна.

А там была старая компания: теткина подруга Элеонора с мужем, чета Устиновых, Борис Петрович и, конечно, Максим. В детстве я постоянно слышала про него: Максим руководил первым университетским джаз-оркестром, занимался каратэ задолго до того, как этот экзотический вид борьбы вошел в моду, приводил преподавателей в восторг неожиданными и остроумными ответами, его считали очень перспективным физиком и называли «наш Ландау».

Он был сегодня именинником — на днях защитил кандидатскую, что, впрочем, не составило для него особого труда, и он неподражаемо рассказывал забавные истории про своего научного руководителя, который, как выяснилось, не любит, когда его называют Борисом Петровичем, и требует, чтобы его называли Шефом. Потом Максим вспомнил, как Шеф ездил в Норвегию, где год преподавал, про ни на что не похожий язык. Максим заявил, что все это ерунда, что он может на спор выучить норвежское стихотворение. Все затихли. Элеонора прочитала длинный, странного звучания перевод. Максим тут же его воспроизвел. Произношение, правда, смахивало на английское, но... Элеонора развела руками. Все молчали, потрясенные. Максим выиграл пари.

Вот тогда я и пожалела, что Вадик не пришел. И поняла, зачем мне вдруг захотелось позвать его сюда. Я позвала его, чтобы познакомить с Максимом, потому что для теткиной компании Максим был то же, что Вадик для нас, и теперешний сорокапятилетний кандидат наук — это, быть может, Вадик в будущем. Мне вдруг стало грустно.

Но почему, собственно? Разве плохо быть Максимом? Кандидатскую защитил, остроумный, обаятельный, знает тысячу вещей...

Да, но почему ученым с европейским именем стал не он, «будущий Ландау», надежда факультета, а его бывший сосед по общежитской комнате — Борис Петрович? Он, как рассказывали, на первом курсе не обнаруживал никаких способностей, никто на него надежд не возлагал, тем более что ему в ту пору было уже двадцать четыре года, а не восемнадцать, как остальным студентам. Борис Петрович сделал карьеру головокружительную: через три года после защиты диплома совершил серьезное открытие, через десять лет стал профессором, а теперь зовет в свою лабораторию Максима. Интересно, помнит ли он, что у Максима списывал контрольные по математике?

Максим помнит. Поэтому сегодня он на спор стал учить норвежское стихотворение, искрился остроумием весь вечер — очаровал всех и выиграл ведь, выиграл пари! Максим чувствует себя победителем, а мне все время кажется, что за весельем он пытается скрыть свое поражение, сам себе боится признаться, что он побежденный.

Потому что он, надежда курса, так и не стал «вторым Ландау». Не стал даже Борисом Петровичем, которого теперь все считают талантливым исследователем. Удивляются его интуиции, смелости и фантазии. Но ведь на первом курсе в него никто не верил. Мало того, он сам признавался, что в ту пору не чувствовал тяги к физике. Но он заставил себя полюбить эту науку, воспитал работоспособность и вырастил собственный талант.

Почему же Максим, у которого было все — энергия, способности, перспектива, наконец, молодость и здоровье, — крупным специалистом так и не стал?

Я думаю, что у Максима не было одного — он не мог, не умел посвятить **всего себя** главному делу жизни. И поэтому проиграл битву за собственный талант. Да, да, именно битву — ведь за талант надо бороться. Бороться с ленью, с разбросанностью. Бороться трудом. Одних способностей, пусть самых выдающихся, для таланта мало. Нужны огромная воля и сосредоточенность, нужна узда для самомнения, нужен постоянный тяжелый труд.

Не хочется, чтобы Вадик повторил судьбу Максима. Пусть у Вадика будет

встретив его на Калининском проспекте возле Дома книги.

— Вот, посмотри,— сказал он, будто мы виделись не пять лет назад, а вчера.— Уникальная вещь, самое полное издание,— и распаковал пухлый сверток, перевязанный магазинной бечевкой. Внутри оказался таджикско-русский словарь.

— Зачем тебе?— изумилась я.

— Перевожу таджикского по-

дней защитил кандидатскую, что, впрочем, не составило для него особого труда, и он неподражаемо рассказывал забавные истории про своего научного руководителя и о процедуре защиты. Максима все поздравляли, и Борис Петрович позвал его к себе в лабораторию работать.

Борис Петрович скоро ушел. Веселье продолжалось без него. Элеоно-

момнения, нужен постоянный тяжелый труд.

Не хочется, чтобы Вадик повторил судьбу Максима. Пусть у Вадика будет будущее, которое ему предсказывали. Пусть станет личностью, каких немного. Ведь у него есть для этого все данные, самые незаурядные способности. А на что он их пока тратит?

Конечно, Вадик в рекордные сроки